

Памяти сильного человека

Иван Алексеевич Бунин

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Статья написана в связи с 70-летием со дня рождения русского поэта Ивана Саввича Никитина (1824 – 1861).

«Он в числе тех великих, кем создан весь своеобразный склад русской литературы, ее свежесть, ее великая в простоте художественность, ее сильный простой язык, ее реализм в самом лучшем смысле этого слова».

- [Иван Алексеевич Бунин](#)

Иван Алексеевич Бунин

Памяти сильного человека

*(По поводу 70-летней годовщины со дня рождения
И.С.Никитина – 21 сентября 1824 г.)*

Однажды, пробуя свою силу, Никитин поднял громадную тяжесть... «что-то оборвалось у него внутри»... Это надломило его здоровье. Новая же неосторожность - ранней весной он бросился купаться в реку - доконала его совсем: сперва была горячка, а потом пришлось надолго лишиться ног и лежать в постели. Но редкая физическая мощь, удивительная сила духа долгие годы боролись с недугами. Не слабая, он выбивался из них с ранней юности... Наконец уступил... Последние дни в глубоком молчании он читал Евангелие...

Да, это был сын своего отца, первого бойца на кулачных боях в Воронеже, сын своего оригинального сословия. Какая полнота его лучших типических черт сохранилась в великом поэте! Всмотритесь в его лицо на портрете: и посадка, и черты лица, и эти немного приподнятые брови, и этот взгляд прекрасных скорбных глаз - взгляд искоса - все типично! Откройте его книгу - в языке поэта много своеобразных выражений, оборотов именно того говора, которым отличается его сословие. Вспомните его жизнь - это не жизнь легкомысленного интеллигентного пролетария, не беспечность артиста - сына дворянского поколения, «лишнего человека», поэта Михалевича, неудачника-мечтателя.

В его жизни - «дело идет своим чередом». К нему приучила его нужда и крепость и серьезность отцов и дедов. Оно «шею ему переело» (все выражения самого поэта), но он не бросает его. Более десяти лет был он хозяином и дворником своего постоянного двора. Целый день он хлопочет и переносит бесконечные разговоры с кухаркой о горшках, щах, солонине и пр., галдит с мужиками, размещая их телеги под навесом, отпускает овес, торгуется. «А утомившись порядочно за день, - читаем мы дальше в его письмах, - в сумерки я зажигаю свечу, читаю какой-нибудь журнал... берусь за Шиллера и копаюсь в лексиконе, покамест зарябит в глазах. Часов в двенадцать засыпаю и просыпаюсь в четыре, иногда в три часа. Рассвет застает меня уже за чаем». Да

небось и этот короткий сон приходилось прерывать каждую ночь, вскакивать, заслыша стук кнутовищем в окно, накидывать полушубок, совать босые ноги в валенки, еще не высохшие на загнетке, и выбегать на мороз отворять ворота обозу, который, скрипя полозьями, пришел оттуда, где

Белеет снег в степи глухой,
Стоит на ней ковыль сухой;
Ковыль сухой и стар и сед,
Блестит на нем мороза след...
Простор и сон, могильный сон,
Туман, что дым, со всех сторон,
А глубь небес в огнях горит,
Вкруг месяца кольцо лежит...

Да и разве тому, кто написал это, не случалось самому лежать в такую ночь на возу, завянном ночью поземкой, блестящем при месяце снежной пылью? Не случалось разве кружиться в бешеной вьюге степной ночи, ходить искать дорогу, утопать по пояс в сугробах, измокнуть в снегу и промерзнуть на морозе?.. Верно, не многие из нынешних поэтов, поющих «челн томленья, челн тревог», знают, какое это ощущение, когда полушубок станет «как кол» да сапоги задеревенеют («выскочил, как на грех, в нагольных сапожонках!») да в лицо, в глаза, в уши, в волосы набивает мокрым снегом, захватывает ветром дыхание!

Все это Никитин испытал, все видел и все-таки был крепок телом и бодр духом. Тоска его звучала в стихах энергией великого народного духа, силой энергичных своих слов, пережитых всем сердцем.

Мне доставались нелегко
Моей души больные звуки, -

говорила его многострадальная душа; но разве не он же восклицал в песне:

Оробей, загорюй –
Курица обидит!

Народный быт Никитин изображал неподражаемо...
Посмотрите хоть на изображение природы!

В словах его, передающих ее картины, была та *неуловимая*

художественная точность и свобода, та даже расстановка слов, тот выбор их, которыми руководствуется невольно только художник, знающий природу всем существом своим:

Весело сияет месяц над селом,
Белый снег сверкает синим огоньком...

.....
И бог весть отколе с песней удалой
Вдруг промчался в поле песенник лихой.
И в морозной дали тихо потонул
И напев печали, и тоски разгул!

Красота ранней зари передавалась им так, что все стихотворение было как бы напоено ее росами, крепкой утренней свежестью, всеми запахами мокрых камышей, холодком дымящейся алой реки, горячим блеском солнца... и вместе со стихотворением звенела веселым кличем:

Не боли ты, душа, отдохни от забот, -
Здравствуй, солнце да утро веселое!

Вечер, летний вечер в поле... как дышит им каждое стихотворение поэта!

В чистом поле тень шагает...
Песня из леса несется,
Лист зеленый задевает,
Желтый колос окликает,
За курганом отдается.
За курганом, за холмами
Дым-туман стоит над нивой,
Свет мигает полосами,
Зорька тучек рукавами
Закрывается стыдливо.

Рожь да лес, зари сиянье –
Дума, бог весть, где летает...

Живою, почти осязаемой картиной встает перед вами его изображение степного простора, степного хутора, осеннего свежего утра:

Что за утро! Серебряный иней
На зелени луга лежит;
Камыш пожелтевший над речкою синей
Сквозною оградой стоит... –

или ноябрьского хмурого дня у большой реки:

Одеты серые луга туманом;
То дождь польет, то снег летит,
И глушь и дичь. На берегу песчаном
Угрюмо темный лес стоит...

И какою задумчивостью, силой и простотой благородного
чистого сердца звучало его заветное чувство:

...Тишина - не слышно звука,
Не горит огня в селе.
Беспробудно скорбь и мука
Спит в кормилице-земле...
Мир вам, старые невзгоды!
Память вечная слезам!
Веет воздухом свободы
По трущобам и лесам!

Я не знаю, что называется хорошим человеком. Верно, хорош
тот, у кого есть душа, есть горячее чувство, безотчетно рвущееся
из глубины сердца.

Я не знаю, что называется искусством, красотой в искусстве
его правилами. Верно, в том заключается оно, чтобы человек
какими бы словами, в какой бы форме ни говорил мне, но
заставлял бы меня видеть перед собою живых людей, чувствовать
веяние живой природы, заставлял трепетать лучшие струны моего
сердца.

Все это умел делать Никитин, этот сильный человек духом и
телом. Он в числе тех великих, кем создан весь своеобразный
склад русской литературы, ее свежесть, ее великая в простоте
художественность, ее сильный простой язык, ее реализм в самом
лучшем смысле этого слова. Все гениальные ее представители -
люди, крепко связанные с своей почвой, с своею землею,
получающие от нее свою мощь и крепость. *Так* был связан с нею и
Никитин, и от нее был силен в жизни и творчестве.

Кажется, переводятся такие люди. Подумайте над теперешней

литературой: главная ее черта та, что в ней уже утрачивается этот особый склад и характер именно *русской* литературы. Многие новейшие произведения можно приписать какому угодно автору - французу, немцу, англичанину. А поэты? Они пишут триолеты, сонеты, рондо, на средневековые, на декадентские темы - и все выходит бедно, безжизненно, мелко... выдумывают феноменальные рифмы, высиживают нелепые образы с претензией на поэтичность, нелепые выражения. Да, мы маленькие, слабые, бедные люди!

Они сознательно уходят от своего народа, от природы, от солнца. Но природа жестоко мстит за это. Это надо твердо помнить!

<1894>